

УДК 314.727.2

DOI: 10.17223/1998863X/47/18

А.М. Сергиенко, Л.В. Родионова, О.Н. Колесникова, О.А. Иванова

ПРАКТИКИ И ДРАЙВЕРЫ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СИБИРСКОМ АГРАРНОМ РЕГИОНЕ¹

На основе анализа миграционных процессов в Алтайском крае с начала 1990-х гг. выделены вызовы его развитию. Описаны практики миграционного поведения сельской молодежи и последствия их воздействия на демографическую структуру, сферы образования и занятости. Показано изменение влияния ключевых факторов (условий и регуляторов) на миграцию молодежи из села, предложены пути ее сокращения.

Ключевые слова: сельская молодежь, миграционные практики, социальные регуляторы, государственная политика.

Миграцию из села, основу которой составляет молодежь, принято рассматривать как закономерный процесс урбанизации, усиливающийся, с одной стороны, глобализацией и влиянием международных и национальных рынков, а другой – внутренними социально-экономическими трансформациями в сельских сообществах. Есть немало сторонников и более жесткой урбанизации, чем та, которую испытывает в настоящее время российское общество, в пользу формирования более крупных образований. Они уверяют, что из-за внедрения новых технологий и, как следствие, роста производительности труда в сельском хозяйстве значительная часть сельского населения является избыточной, что приводит к потере конкурентоспособности России². Вместе с тем в научной литературе и общественно-политических дискуссиях, в СМИ все чаще встречаются противоположные оценки, подчеркивающие высокие риски и угрозы не только продовольственной, но и в целом национальной, геополитической безопасности вследствие массового оттока сельской молодежи, особенно в аграрных регионах. Весомым аргументом в поддержку такой позиции является и объявленный президентом РФ приоритет пространственного развития страны, напрямую связанный с развитием сельских территорий и сохранением ее человеческого потенциала³.

В предлагаемой статье на примере Алтайского края как самого крупного аграрного региона Сибири мы попытались ответить на следующие вопросы:

¹ Статья подготовлена в рамках исследования по проекту «Миграция сельской молодежи в Алтайском крае: анализ динамики и механизмов сокращения на основе комплексного измерения социального положения и активности» при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-13-22007, 2017–2018 гг.

² «У нас в сельской местности проживает условно „лишних“ 15 млн человек, которые для производства сельскохозяйственной продукции с учетом новых технологий производительности в селе по большому счету не нужны...» (цит. по ст.: Собянин: производительность труда в Москве в 2,5 раза выше среднего значения по России / ТАСС. Информационное агентство России: официальный сайт. <http://tass.ru/ekonomika/4759068>).

³ Из послания Президента РФ Федеральному собранию 1 марта 2018 г.: «Предлагаю развернуть масштабную программу пространственного развития России... Особое внимание будем уделять социальному, инфраструктурному развитию сельских территорий» (цит. по: Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/).

каких масштабов достигла реальная и потенциальная миграция сельской молодежи, каковы современные практики ее миграционного поведения и их ключевые факторы (условия и регуляторы), как влияет государственная политика на миграцию из села. В основу исследования положены теоретическое представление о сельско-городской миграции Т. Заславской [1]¹ и фундаментальные выводы российских и зарубежных ученых (Т. Нефедовой, F. Cartmel, A. Furlong, S. Pavis, S. Platt, G. Hubbard и др.) о практиках поведения мигрантов и особой роли современных миграционных процессов в пространственном развитии [2–4]. Кроме того, мы опираемся на концепцию моральной экономики американского социального антрополога Дж. Скотта, раскрывающую социальную природу практик выживания в сельских сообществах, основанных на принципе безопасного существования путем перераспределения экономических ресурсов и сетевой поддержки [5].

Методологической особенностью исследования миграционного поведения сельской молодежи является комплексный подход к измерению ее социального положения и активности на основе дифференцированного и сравнительного анализа их изменения, а также оценка влияния бизнеса и семейно-родственных сетей как сельских социальных регуляторов и государственной политики на миграцию. Результаты исследования базируются на данных социологических опросов², всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., микропереписи 2015 г. и других данных Росстата, анализе нормативно-правовых, программных и других документов стратегического планирования развития Алтайского края. Кроме того, использованы материалы более 100 глубинных интервью с представителями местной власти, бизнеса, организаций социальной сферы, собранных в экспедициях в 8 сельских районах региона в 2013–2015 гг., а также результаты 15 глубинных и 8 фокус-групповых интервью с сельской молодежью в 2015–2017 гг.

Оценка миграционных процессов в регионе и современные вызовы

В период системных трансформаций в России (с начала 1990-х гг.) основными характеристиками миграционных процессов стали многообразие, динамизм, инновационность, асимметричность, стихийность. Они прояви-

¹ Так, в трудах Т. Заславской, во-первых, выделены урбанизация и другие движущие силы (или причины) миграции, процессы-катализаторы (в частности, развитие массовых коммуникаций, рост образования и культуры сельского населения) и процессы-ингибиторы (изменение характера сельскохозяйственного труда и сближение культурно-бытовых условий жизни городского и сельского населения), функции миграции разделены на инвариантные (повышение географической мобильности населения, изменение его качественного состава и др.) и социально-экономические, а ее факторы – на условия и регуляторы с позиции управляемости данного процесса [1]. Во-вторых, показано устройство внутреннего механизма процесса миграции сельского населения, выделены внешние и внутренние стимулы, мотивы к миграции и стабилизации, обоснован комплексный характер мотивов миграции населения, среди которых стремление улучшить условия труда и возможность получить образование выявлены как основные.

² С начала 2000-х гг. в Алтайском крае сотрудниками Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (с участием авторов, под руководством А.М. Сергиенко) была проведена серия, во-первых, квотных выборочных опросов сельских жителей (в 2002 г. n = 606, в том числе 114 представителей молодежи; в 2008 г. n = 1011 (253); в 2011 г. n = 500 (191); в 2013 г. n = 570 (143); в 2016 г. n = 260 (опрос молодежи); в 2017 г. n = 740 (450)); во-вторых, экспертных опросов представителей местной власти, сельского бизнеса и организаций социальной сферы (в 2002 г. n = 56; в 2008 г. n = 280; в 2011 г. n = 84; в 2013 г. n = 40; n = 75 в 2017 г.).

лись в изменении масштабов и характера миграции, частой смене ее направлений, дисбалансе встречных миграционных потоков, появлении новых форм и видов миграции, изменении ее механизмов и слабой управляемости, возникновении специфических моделей миграционного поведения [6].

В Алтайском крае в эти годы массовый характер приобрели следующие процессы: переселение в регион этнических россиян из Центральной Азии; распространение вынужденных миграций; отъезд алтайских немцев в Германию; развитие челночной торговли. В межрегиональных и внутрикраевых миграциях преобладали так называемые «соседские миграции». Неблагоприятные тенденции отмечались в миграциях с большинством субъектов РФ. В отдельные годы атипичные процессы наблюдались в сельско-городской миграции – преобладающее переселение горожан в село.

Если обратиться к количественным оценкам, то в первое двадцатилетие рассматриваемого периода миграционная активность населения края устойчиво снижалась, о чем свидетельствует почти четырехкратное сокращение валовой миграции (количество прибывших и выбывших) по сравнению с предшествующим аналогичным периодом. Последнее было обусловлено относительным ухудшением условий проживания в регионе, исчерпанием миграционного потенциала стран нового зарубежья, выездом значительной части эмигрантов в соседние регионы с более высоким уровнем жизни и сокращением внутрикраевых миграционных потоков.

Разноскоростной режим выхода отдельных территорий на траекторию роста, а также отложенные миграции в предшествующие годы привели к увеличению территориальной мобильности населения в 2010–2013 гг. Однако в дальнейшем в силу нарастания кризисных явлений в экономике и ужесточения миграционной политики интенсивность миграционных процессов в регионе вновь стала снижаться, и это происходило на фоне роста аналогичных показателей по РФ в целом. Отметим, что в течение всего анализируемого периода миграционная активность селян была выше, чем горожан.

Миграционный прирост населения увеличивался лишь в первые пять лет изучаемого периода и являлся главным источником сохранения демографического потенциала региона. Однако затем он начал уменьшаться, а в 2001 г. сменился на миграционную убыль, которая фиксируется и по сей день, в отличие от общероссийских тенденций. По коэффициенту миграционного прироста, характеризующему результативность внешних миграционных связей региона и его привлекательность для населения, в начале 1990-х гг. край лидировал в Сибири и России, однако сегодня он уступает большинству сибирских регионов (табл. 1).

Относительно высокая миграционная убыль населения в Алтайском крае говорит о его низкой конкурентоспособности и скрывает в себе ряд угроз как для национальной безопасности России, так и для гармоничного развития региона [7. С. 53–59; 8. С. 65–79]. Отток населения может привести к обезлюдению больших территорий и потере государственного и общественного контроля над ними, усилению миграционного давления на край со стороны перенаселенных азиатских стран и его заселению иностранными гражданами, ухудшению половозрастной и образовательной структур населения, а также сокращению демографических ресурсов для социально-экономического развития региона и обеспечения обороноспособности страны.

Таблица 1. Коэффициент интенсивности миграционного прироста (сальдо миграции в расчете на 1000 населения в среднем за год)

Регион	1990–1994 гг.	2012–2016 гг.
Российская Федерация	2,2	1,9
Республика Алтай	1,4	-1,2
Алтайский край	6,2	-2,4
Кемеровская область	1,5	-1,3
Новосибирская область	2,2	6,8
Омская область	0,9	-1,5
Томская область	0,2	3,4

Примечание. Рассчитано по: Регионы России : стат. сб. в 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. М., 2001. С. 30–31, 63–64; Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 39–40, 85–86.

Практики миграционного поведения сельской молодежи и их эффекты

Основу миграционного оттока из села формирует молодежь. Причем в Алтайском крае, согласно данным Росстата, молодые люди более интенсивно уезжают из сельской местности, чем в среднем в Сибири и России. Заметим, что 2013–2016 гг. отличались существенным сокращением миграционной убыли молодых селян (более чем в четыре раза), однако в 2017 г. вновь наблюдался его рост. В последний год среднее значение коэффициента миграционной убыли сельской молодежи в крае составляло 12,2%. Молодежь теряли две трети сельских муниципальных районов края, а в шести районах он был ниже – 40%¹.

Предвестником миграционного оттока является потенциальная миграция. По результатам опросов сельской молодежи в Алтайском крае с 2008 по 2013 г. доля желающих уехать из села сократилась с 57 до 34%, но с начала последнего кризиса она вновь стала расти и достигла 58% в 2017 г. (табл. 2). Более половины молодых потенциальных мигрантов планируют уехать в города края, 15% – в Москву, Новосибирскую область и другие регионы страны и около 4% – в другие страны. Доминируют среди них выпускники школ с намерением получить профессиональное образование в городе, а также молодые люди, не имеющие семьи и собственного жилья [9. С. 216–228, 253].

Таблица 2. Миграционные установки сельской молодежи, % (по данным опросов сельской молодежи Алтайского края в 2008–2017 гг.)

Установки	Год				
	2008	2011	2013	2016	2017
Не хотели переезжать из своего села	35,2	51,6	59,3	43,8	36,6
Хотели бы переехать, но нет возможности	10,4	20,9	7,3	9,2	5,4
Планировали переехать:					
в пределах сельской местности	1,8	4,4	0,7	3,8	3,3
в город своего края	23,7	13,2	14,0	14,3	29,6
в другой регион России	8,2	2,1	10,7	10,0	8,6
в другую страну	1,9	1,1	0,0	0,0	2,1
еще не знали куда	11,1	4,4	1,4	12,0	8,6
Затруднились с ответом	7,7	2,3	6,6	6,9	5,8

Примечание. Рассчитано по данным выборочных опросов сельской молодежи, проведенных сотрудниками ИЭОПП СО РАН в 2008, 2011, 2013, 2016 и 2017 гг.

¹ См.: Росстат: База данных муниципальных образований: Алтайский край: Население: Миграционный прирост. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi>

Массовый отток молодежи из села привел к качественным сдвигам в демографической структуре сельского населения Алтайского края. Согласно данным Росстата с 2002 по 2016 г. численность сельской молодежи сократилась почти на 40% (в России – на 16%), а ее доля среди сельских жителей трудоспособного возраста уменьшилась с трети до четверти. По экспертным оценкам, в отдельных периферийных районах, преимущественно в небольших селах, критически затруднено демографическое воспроизводство¹. Такие изменения не остались без внимания сельских жителей: в рейтинге социальных проблем села в 2017 г. миграция молодежи переместилась на второе место после безработицы (в начале «нулевых» она не попадала даже в первую десятку). Наряду с нехваткой квалифицированных работников все больше представителей местной власти и сельского бизнеса отдают этой проблеме первое место.

Миграционные потоки на сельских территориях гораздо сложнее, чем то, что фиксируется статистикой. С начала 2000-х все больший вес набирают маятниковая (образовательная и трудовая) и сезонная миграции, все чаще они становятся альтернативой отъезду из села в город на постоянное место жительства². Катализаторами таких практик становятся развитие дорожно-транспортной сети, распространение Интернета и мобильной связи. Масштабы маятниковых и сезонных миграций увеличились в разы, значительная их часть формируется из числа вернувшихся в сельскую местность после учебы в городах. По оценкам местных властей в 2017 г., доля маятниковых и сезонных мигрантов составляет 30–40% от общего числа вернувшейся в село молодежи. Новое явление маятниковой миграции, не получившее, безусловно, массового характера, – трудовая миграция из города в село, когда сельская молодежь остается после учебы жить в городе, но ездит на работу в село.

Позитивными эффектами таких реэмиграций являются сдвиги в образовательной структуре сельской молодежи и структуре ее занятости. По данным переписей 2002, 2010 и 2015 гг., доля сельской молодежи с высшим образованием постоянно росла и в целом за период выросла почти в 3 раза (до 13%), с профессиональным образованием – на 20% (52%), а доля занятой в экономике молодежи с профессиональным образованием увеличилась на 18% (почти до 70%)³.

¹ Выводы получены по данным полустандартизированных интервью с руководителями и специалистами органов местного самоуправления и организаций социальной сферы, представителями сельского бизнеса, проведенных сотрудниками ИЭОПП СО РАН в сельских муниципальных районах Алтайского края в 2002, 2008, 2011, 2013, 2017 гг., а также по материалам глубинных интервью с представителями местной власти и сельского бизнеса, собранными в экспедициях в сельские районы региона в 2013–2015 гг.

² Здесь использованы результаты опросов сельского населения и экспертов (представителей местной власти и бизнеса) в 2016 и 2017 гг, материалов экспедиций 2013–2015 гг., проведенных в сельских районах Алтайского края сотрудниками ИЭОПП СО РАН.

³ Рассчитано по следующим источникам: *Всероссийская перепись населения 2002 года*. Т. 3. Образование. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=15>; *Всероссийская перепись населения 2010 года*. Т. 3. Образование. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_ito-gi1612.htm; *Микроперепись населения 2015 года*. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html

Сетевые сообщества и бизнес как сельские социальные регуляторы миграции молодежи

Среди факторов-условий, выталкивающих молодежь из села, как показывают результаты опросов в 2002–2017 гг.¹, помимо роста значимости (в оценках молодежи и экспертов) таких известных драйверов, как низкие и ухудшающиеся доступность и качество профессионального образования, нехватка подходящих рабочих мест, непрерывно растущая привлекательность городского образа жизни, выделяются в последнее десятилетие и резко выросшие в рейтинге низкие доступность и качество медицинских услуг и уровень развития сферы молодежного досуга.

В группе социальных регуляторов, детерминирующих миграцию молодежи из села, особое место занимают семейно-родственные сети. Выталкивающее из села воздействие родителей и других родственников значительно усилилось, чему способствовали, с одной стороны, повышение уровня жизни сельских жителей с начала нулевых (и даже последние кризисные годы не погасили влияние этого позитивного процесса), а с другой – сокращение учреждений профобразования в сельской местности.

Вместе с тем усилилось и воздействие на сокращение миграции молодежи из села другого социального регулятора – сельского бизнеса. В последние годы все чаще развиваются практики, связанные с экономическим эффектом от привлечения молодых работников². Сельские фермеры и другие предприниматели омолаживают свои кадры, продвигают молодежь на управленческие позиции, чаще покупают жилье для молодых специалистов с рассрочкой по выплате. Появился довольно устойчивый «ручеек» реэмиграции детей сельских предпринимателей. После учебы в городах такая молодежь стала чаще возвращаться в село для работы на семейных предприятиях, иногда родители помогают им организовать свой бизнес. Способствует закреплению молодежи на селе существенное сокращение разрыва между зарплатой в сельском хозяйстве и средней зарплатой по экономике (по данным государственной статистики, за последние десять лет с двукратной разницы в крае до 30%-ной³), создание рабочих мест для молодежи с зарплатой выше средней по краю.

Государственная политика как ингибитор миграции молодежи

На основе анализа реализации задач и мер, зафиксированных в документах стратегического планирования, федеральных и региональных программах развития Алтайского края, нами установлен рост влияния государственной поли-

¹ Используются данные выборочных опросов сельской молодежи, проведенных сотрудниками ИЭОПП СО РАН в 2008, 2011, 2013, 2016 и 2017 гг.

² По данным опросов представителей сельского бизнеса в 2008, 2011, 2013, 2017 гг. и материалов экспедиций 2013–2015 гг., проведенных в сельских районах Алтайского края сотрудниками ИЭОПП СО РАН.

³ Рассчитано по: *Алтайский край в цифрах. 2006–2011: краткий стат. сб.* / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Барнаул, 2012. С. 42; *Социально-экономическое положение Алтайского края. 2017 год. Стат. докл.* / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2018. С. 111.

тики на сокращение миграции из села с середины 2000-х гг., более заметный в первой половине 2010-х гг.¹ Значимым противовесом оттоку молодежи из села является федеральная и региональная политика, реализуемая в программах устойчивого развития сельских территорий и аграрной сферы и направленная на расширение кредитования, поддержку занятости, улучшение дорожно-транспортной сети и обеспеченности мобильной связью и Интернетом, социальное развитие села². Сельские жители отмечают позитивное влияние многих госпрограмм и проектов, хотя и точечное, не всегда системное и недостаточное по объему (это касается, в частности, грантовой поддержки молодых предпринимателей, врачей, учителей, поддержки молодых семей в обеспеченности жильем). По оценкам руководителей органов местного самоуправления и директоров предприятий³, действие этих программ зачастую останавливало отъезд молодежи.

Между тем не удалось приблизиться к решению множества продекларированных задач, в том числе по сокращению социальных различий между городом и селом. Недостаточными оказались меры по повышению рождаемости на селе, напротив, репродуктивное настроение (желание и планы рождения детей) сельской молодежи за последнее десятилетие в целом снизилось, хотя в 2017 г. вновь наблюдался его рост. По опросу 2017 г., 57% сельской молодежи планировали рождение детей, не планировали – 22%, в том числе 15% всех ответивших респондентов ориентировались на полную бездетность (против 67, 15 и 9% в 2008 г. соответственно). Не удалось существенно изменить в лучшую сторону удовлетворенность молодежи ситуацией в социальной сфере. При заметном ее (удовлетворенности) повышении в торговле и дошкольном воспитании наиболее значительно она снизилась в сферах образования, здравоохранения, физкультуры и спорта. Сельские жители отмечают замедленную реакцию властей на процессы деградации в социальном развитии села, а также недостаточное внимание к «социальным якорям» – условиям жизни, закрепляющим молодежь на селе, таким как подходящие рабочие места, современные молодежные досуговые и спортивные объекты.

¹ Проведен анализ итогов и предварительных результатов реализации 10 документов стратегического планирования РФ и Алтайского края и более 25 федеральных и региональных программ, действующих в Алтайском крае. Выделено два направления оценки результативности задач и мер в рамках данных документов: улучшение социально-экономического развития сельских территорий и социального положения сельской молодежи, прямо или косвенно влияющие на сокращение миграции из села. Обобщенная оценка эффектов по двум направлениям была получена на основе экспертных оценок руководителей и специалистов региональных и муниципальных органов управления, представителей сельского бизнеса, молодежных и других сельских общественных организаций (по результатам полустандартизированных интервью в 2011, 2013 и 2017 гг. и глубинных интервью, собранных в экспедициях 2013–2015 гг.). Кроме того, использовались результаты опросов сельского населения и представителей сельской молодежи в 2011, 2013, 2016, 2017 гг., что позволило выявить сдвиги в удовлетворенности ситуацией и происходящими на селе изменениями в социально-экономической сфере, оценках влияния деятельности органов государственного управления и местного самоуправления на решение их проблем в различных сферах жизнедеятельности.

² См., например, федеральные и региональные программы: «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012–2020 гг., «Развитие сельского хозяйства Алтайского края» на 2013–2020 гг., «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае» на 2014–2020 гг., «Поддержка начинающих фермеров в Алтайском крае» на 2015–2017 гг., «Обеспечение жильем молодых семей в Алтайском крае» на 2015–2020 гг., «Льготная ипотека для молодых учителей в Алтайском крае» на 2015–2020 гг., «Земский доктор» в Алтайском крае на 2012–2018 гг., «Материнский капитал» в Алтайском крае с 2007 г.

³ Использованы данные опросов представителей местной власти и сельского бизнеса в 2013 и 2017 гг. и материалы экспедиций 2013–2015 гг.

О перспективах пространственного развития сельских территорий и сокращении миграции сельской молодежи

Итак, анализ миграции сельской молодежи показал нарастание разнообразия и многовекторности ее проявления с учетом сезонной и маятниковой форм, возвратной миграции при сохранении доминирования реальной миграции из села, уже приведшей к глубоким демографическим диспропорциям и кадровым проблемам. Сельскую молодежь характеризуют значительное повышение интереса к образованию, рост требований к условиям занятости и жизненной среде. Наблюдается усиление влияния сельских социальных сетей как катализаторов миграции из села, а государственной политики и сельского бизнеса – как ее ингибиторов.

Тем не менее, если кардинально не менять ситуацию, в настоящее время наиболее вероятен инерционный сценарий пространственного развития сельских территорий и миграции сельской молодежи. Этот сценарий связывается учеными и экспертами-практиками с прогрессирующей территориальной социально-экономической дифференциацией, ростом больших сел (более тысячи жителей) вблизи городов и магистралей и постепенным опустением малых [10]. Приоритет пространственного развития страны предполагает, на наш взгляд, актуализацию концептуального подхода к пространственному развитию сельских территорий с акцентом либо на выравнивание, либо на поддержку растущих центров деловой активности, либо на развитие опорных сельских населенных пунктов. При определении стратегических целей миграционной политики следует исходить из того факта, что в ближайшие годы миграция будет важным резервом увеличения демографического потенциала алтайского села и единственным источником пополнения его трудового потенциала. Для того чтобы получить значительный эффект от государственной политики развития села и решить проблему закрепления молодежи на селе, необходимо провести инвентаризацию множества уже действующих программ по поддержке территорий и сельской молодежи¹ на предмет их непротиворечивости, масштабности и системности влияния.

Обобщив результаты проведенных исследований и принимая во внимание приоритетность пространственного развития страны и устойчивого развития сельских территорий, мы пришли к выводу, что позитивные сдвиги в миграционном поведении сельской молодежи можно ожидать только при условии создания привлекательных высокотехнологичных рабочих мест и комплекса жизненных условий на селе с учетом интересов молодежи.

¹ Всего более 30 программ, среди них: «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012–2020 гг., «Развитие сельского хозяйства Алтайского края» на 2013–2020 гг., «Развитие туризма в Алтайском крае» на 2015–2020 гг., «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае» на 2014–2020 гг., «Обеспечение жильем молодых семей в Алтайском крае» на 2015–2020 гг., «Льготная ипотека для молодых учителей в Алтайском крае» на 2015–2020 гг., «Развитие образования и молодежной политики в Алтайском крае» на 2014–2020 гг., «Создание новых мест в общеобразовательных организациях в соответствии с прогнозируемой потребностью и современными условиями обучения в Алтайском крае» на 2016–2025 гг., «Развитие здравоохранения в Алтайском крае» до 2020 г., «Развитие культуры Алтайского края» на 2015–2020 гг., «Развитие физической культуры и спорта в Алтайском крае» на 2014–2020 гг., «Социальная поддержка граждан» на 2014–2020 гг.

Перечень действующих государственных программ представлен на сайте Министерства экономического развития Алтайского края (http://www.econom22.ru/prognoz/program/reg_programms/gos_programms/index.php).

Чтобы повысить заинтересованность молодых людей жить и работать в селе, следует расширить профориентационную работу с сельской молодежью, повысить доступность получения профобразования, усилить экономическое и моральное стимулирование работодателей в трудоустройстве молодежи на квалифицированные рабочие места, значительно увеличить масштабы финансово-экономической поддержки занятости и предпринимательства среди молодежи (речь идет, например, об увеличении грантовой поддержки начинающих фермеров)¹. Нужно развивать села с учетом интересов молодежи, сохраняя ключевые объекты жизнедеятельности и развивая современные средства связи, досугово-спортивную инфраструктуру, активнее поддерживать молодые семьи с детьми в приобретении жилья. Особое внимание нужно уделить поддержке сельской молодежи, настроенной жить и работать в сельской местности (по опросу 2017 г., таковых 37%). Дополнительный эффект могут дать меры по формированию ценностей сельского образа жизни среди молодежи с помощью культурно-образовательных учреждений и общественных организаций, а также поддержки различных средств массовой информации, в том числе интернет-СМИ, занимающихся информированием населения о привлекательных сторонах жизни на селе и успешных проектах сельской молодежи².

Литература

1. Заславская Т.И. Миграция сельского населения // Избранные произведения: в 3 т. Т. 1: Социальная экономика и экономическая социология. М., 2007. С. 205–277.
2. Нефедова Т.Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия РАН. Сер. геогр. 2015. № 3. С. 41–56.
3. Cartmel F., Furlong A. Youth unemployment in rural areas. York : York Publishing Services Ltd, 2000. 46 p.
4. Pavis S., Platt S., Hubbard G. Young people in rural Scotland. Pathways to social inclusion and exclusion. York : York Publishing Services Ltd, 2000. 50 p.
5. Scott J. Moral economy of the peasant : rebellion and subsistence in southeast Asia. New Haven : Yale University Press, 1977. 254 p.
6. Зайончковская Ж.А. Миграции в постсоветском пространстве // Миграции в постсоветском пространстве: политическая стабильность и международное сотрудничество / под ред. Д. Азраела, В. Мукомеля, Э.М. Паина. М., 1997. С. 14–37.
7. Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографический потенциал Сибири // Формирование благоприятной среды для проживания в Сибири / под ред. В.В. Кулешова. Новосибирск, 2010. Гл. 5. С. 53–95.
8. Казанцев С.В. Защищенность экономики регионов России. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2014. 180 с.
9. Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А.Я. Троцкого. Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 423 с.
10. Нефедова Т.Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М., 2010. С. 128–145.

¹ Выводы получены с использованием результатов опросов сельского населения и экспертов (представителей местной власти и бизнеса) в 2002, 2008, 2011, 2013, 2016 и 2017 гг., материалов экспедиций 2013–2015 гг., проведенных в сельских районах Алтайского края сотрудниками ИЭОПП СО РАН.

² Например, это может быть грантовая поддержка сельских журналистов. Как известно, Союз журналистов России планирует обратиться к президенту России с инициативой о формировании программы «Сельский корреспондент» по аналогии с программами «Земский доктор», «Сельский учитель» (см.: В России может появиться программа поддержки молодых сельских корреспондентов. URL: <https://vesti22.tv/video/v-tossii-mozhet-poyavitsya-programma-podderzhki-molodyh-selskih-korrespondentov>).

Aliye M. Sergienko, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: a.m.sergienko@mail.ru

Lyudmila V. Rodionova, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: lvricie@mail.ru

Olga N. Kolesnikova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: kolesnikova@socio.asu.ru

Oksana A. Ivanova, Center for Special Communication and Information in the Federal Security Service of the Russian Federation in Altai Krai (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: ivanova_sociology@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 168–178.

DOI: 10.17223/1998863X/47/18

PRACTICES AND DRIVERS OF THE MIGRATION BEHAVIOR OF RURAL YOUTH IN THE SIBERIAN AGRICULTURAL REGION

Keywords: rural youth; migration practices; social regulators; state policy.

The article deals with the problems of mass migration of young people from the rural areas on the example of Altai Krai as the largest agricultural region in Siberia. Various assessments of these processes are identified, and the necessity of their regulation due to emerging risks and threats at the national level is justified. The methodological features of the study include a comprehensive approach to the measurement of the social status and activities of rural youth on the basis of a differentiated and comparative analysis of their changes, as well as the assessment of impact of rural social regulators and state policy on youth migration. The results are based on a number of regional sociological studies and statistics. The characteristics of migration processes in Russia and their specificity in Altai Krai since the early 1990s are given. It is concluded that the long-term migration decline of the population in the region can lead to the depopulation of the rural areas and the loss of social control over them, to the deterioration of age and educational structures of the population, as well as to the reduction of demographic resources for sustainable regional development. The dynamics of actual and potential migration of rural youth is described. Since the beginning of the latest crisis, there has been an increase in potential migration. In 2017 more than half of the young people planned to leave the rural areas. The groups of young people with higher migration potential are identified. The practices of the migration behavior of rural youth and their consequences are considered. Among the latter are the following: almost one and a half times reduction in the number of rural youth, hindered reproduction of population and labor resources in peripheral areas and small villages, the aggravation of the lack of skilled workers. It is shown that the scale of pendulum and seasonal migrations has increased significantly due to the development of the road transport network, Internet and mobile communication. The positive results of the impact of re-emigration on the improvement of the educational structure and the structure of employment of rural youth are revealed. Along with traditional drivers and barriers of rural youth migration, new ones are considered. The reasons of strengthening of influence of family-related networks as catalysts of migration are revealed. The modern practices and effects of rural business and public policy on the reduction of youth migration are shown. The slow reaction to the degradation in the rural social development and the lack of attention to the living conditions of the youth in villages are highlighted among the defects of the state policy. The authors proposed ways of increasing the efficiency of the state policy to reduce the migration of rural youth, taking into account the priority of the spatial development of rural areas and the influence of social regulators.

References

1. Zaslavskaya, T.I. (2007) *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected Works. In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Ekonomika. pp. 205–277.
2. Nefedova, T.G. (2015) Migration mobility of population and otkhodnichestvo in modern Russia. *Regional Research of Russia*. 5(3). pp. 243–256.
3. Cartmel, F. & Furlong, A. (2000) *Youth unemployment in rural areas*. York: York Publishing Services Ltd.
4. Pavis, S., Platt, S. & Hubbard, G. (2000) *Young people in rural Scotland. Pathways to social inclusion and exclusion*. York: York Publishing Services Ltd.
5. Scott, J. (1977) *Moral economy of the peasant: rebellion and subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press.

6. Zayonchkovskaya, Zh.A. (1997) Migratsii v postsovetskom prostranstve [Migrations in the post-Soviet space]. In: Azrael, D., Mukomel, V. & Pain, E.M. (eds) *Migratsii v postsovetskom prostranstve: politicheskaya stabil'nost' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo* [Migrations in the post-Soviet space: political stability and international cooperation]. Moscow: Kompleks-Progress. pp. 14–37.

7. Soboleva, S.V. & Chudaeva, O.V. (2010) Demograficheskiy potentsial Sibiri [The demographic potential of Siberia]. In: Kuleshov, V.V. (ed.) *Formirovanie blagopriyatnoy sredy dlya prozhivaniya v Sibiri* [Forming a favorable environment for living in Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 53–95.

8. Kazantsev, S.V. (2014) *Zashchishchennost' ekonomiki regionov Rossii* [The security of the Russian regions' economy]. Novosibirsk: SB RAS.

9. Trotskovsky, A.Ya. (ed.) (2017) *Transformatsionnye protsessy i formirovanie konkurentnykh preimushchestv v Altayskom krae* [Transformational processes and the formation of competitive advantages in the Altai Territory]. Novosibirsk: SB RAS.

10. Nefedova, T.G. (2010) Szhatie vnegorodskogo osvoennogo prostranstva Rossii – real'nost', a ne illyuziya [Compression of an extra-urban explored space in Russia is a reality, not an illusion]. In: Artobolevsky, S.S. & Sintserov, L.M. (ed.) *Szhatie sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya* [Compression of a socio-economic space: new in the theory of regional development and the practice of its state regulation]. Moscow: Eslan. pp. 128–145.